

— Такой большой баньян срубили, — Тан Ихэ вздохнул, подойдя к месту, где раньше росло дерево.

Он тоже подошел и, стоя там, вспомнил:

— Ты всегда любил сидеть в тени, пока я играл в мяч, а потом мы шли домой вместе.

Тан Ихэ посмотрел на него:

— Однажды я уснул, и ты не разбудил меня. Когда я проснулся, было уже темно, и отец меня отругал.

В его словах не было упрека, но он почувствовал огромную вину.

— Прости. — Он с сожалением посмотрел на Тан Ихэ. — Я должен был тебя разбудить.

Тан Ихэ улыбнулся с сожалением:

— Это я виноват, что уснул, зная, что ты меня не разбудишь.

— Ихэ...

— Пойдем, все изменилось, и смотреть больше не на что.

Тан Ихэ первым развернулся и пошел, а он последовал за ним, с выражением глубокой печали на лице.

На обратном пути, не обменявшись ни словом, они молча свернули на тропинку, ведущую через рисовые поля.

Был сезон, когда рис уже почти созрел, и ветер, пролетая над полями, поднимал золотистые волны.

Тан Ихэ стоял неподалеку, и развевающиеся края его одежды напомнили ему того Тан Ихэ, который когда-то стоял в грязи, смеясь и показывая свои ямочки на щеках.

Раньше Тан Ихэ часто улыбался, и его маленькие ямочки делали его особенно солнечным.

Но после переезда в столицу искренние улыбки Тан Ихэ становились все реже, особенно в последние годы, когда он, кажется, совсем перестал улыбаться.

И виновником того, что Тан Ихэ забыл, как улыбаться, был он сам.

— Тан Ихэ!

— М?

— Прости!

Тан Ихэ с удивлением смотрел на него.

Ветер дул ему в глаза, вызывая дискомфорт, но он, вопреки всему, широко улыбнулся и сказал:

— Тан Ихэ, прости, я не ценил тебя!

Слишком устал притворяться, но он не хотел оставлять Тан Ихэ с образом потерявшего контроль человека. Он шагнул вперед и обнял Тан Ихэ.

— Ихэ... — Его глаза наполнились слезами, а на лице читались сильная тоска и сожаление. Он поцеловал макушку Тан Ихэ и прошептал. — Прости, что не сделал тебя своим Омегой.

Ло Фэнци ушел.

Тан Ихэ помнил тот вечер, когда закат был ярко-красным, и Ло Фэнци проводил его до дома, улыбнулся и сказал:

— До свидания.

После этого он ждал несколько дней, но Ло Фэнци так и не появился, и он понял, что это прощание было навсегда.

Его сильно беспокоили слова Ло Фэнци перед уходом.

Он не понимал, зачем Ло Фэнци специально вернулся, чтобы извиниться?

И почему он так винил себя и был так несчастен?

Знает ли Луань Шуюнь, что Ло Фэнци вернулся к нему? И согласен ли он с этим?

Ло Фэнци просто появился, всколыхнул его сердце, оставил кучу вопросов и исчез.

Цзян Ся по-прежнему приходил каждый день, но Тан Ихэ уже устал от его настойчивости, и пришло время сделать более решительный шаг, чем просто отказ.

— Цзян Ся, спасибо тебе за помощь, но я больше не хочу тебя обременять. — Тан Ихэ достал из ящика сберегательную карту и протянул ее Цзян Ся. — Я очень благодарен тебе за все, что ты для меня сделал, но это все, чем я могу тебя отблагодарить.

— Почему? — Цзян Ся с грустью посмотрел на него. — Зачем ты так спешишь отгородиться от меня? Я говорил, что могу ждать, сколько угодно! Просто позволь мне быть рядом с тобой.

— Я не могу так.

— Можешь! — Цзян Ся с волнением схватил его за руку. — Ты можешь, я сам этого хочу, только позволь!

Тан Ихэ покачал головой:

— Нет, я не могу тебя любить, даже попытаться не получается. Для меня ты всегда был и останешься старшим братом, и это невозможно изменить.

Цзян Ся смотрел на него с недоверием, и Тан Ихэ не смог выдержать его взгляд. Цзян Ся внезапно обнял его, припался к его губам и стал безумно целовать, но Тан Ихэ стиснул зубы и изо всех сил сопротивлялся.

На самом деле, Цзян Ся заботился о нем и его ребенке так долго, и за последние полгода сделал для него многое. К тому же он был свободен, и как благодарность мог бы позволить Цзян Ся эту близость.

Но он не смог. Цзян Ся всегда был для него братом, с самого детства, и мысль о нарушении этой связи наполняла его отвращением и стыдом.

Он изо всех сил отталкивал Цзян Ся, но тот, потерявший всякий контроль, не обращал внимания на его сопротивление.

Цзян Ся силой прижал его к кровати, одной рукой закрыл ему рот, а другой начал расстегивать его штаны. Тан Ихэ почувствовал, будто его ударило током, и его разум опустел, тело обмякло, и он перестал двигаться.

Цзян Ся снял с него штаны и начал ласкать, но не смог вызвать у него никакой реакции, только заметил, что Тан Ихэ перестал сопротивляться и смотрел на него с отчаянием.

Цзян Ся словно очнулся, быстро натянул на него штаны и, ударив себя несколько раз по лицу, сгорая от стыда, начал извиняться:

— Прости, прости, прости!

После этого Цзян Ся не смог больше смотреть ему в глаза и, как затравленный, выбежал из дома.

На следующее утро Тан Ихэ услышал, что Цзян Ся пришел попрощаться, но тот не сказал ему этого лично.

Все это было его виной. Если бы он с самого начала решительно отказал Цзян Ся и не принимал его помощь, возможно, все было бы иначе.

Цзян Ся тоже ушел, и его жизнь снова стала спокойной.

Иногда, вспоминая Цзян Ся, он чувствовал вину и молился, чтобы тот нашел свою вторую половинку.

Он часто думал о Ло Фэнци, и каждый раз, вспоминая его, чувствовал, как на сердце ложится тяжелый камень, от которого трудно дышать.

Он не мог забыть Ло Фэнци, любил его всей душой и просто не мог вычеркнуть его из своей жизни.

Часто, вспоминая слова Ло Фэнци перед уходом, он задумывался, возможно ли, что Ло Фэнци тоже не смог его забыть?

Он хотел узнать правду, но боялся, и не должен был, ведь Ло Фэнци уже был женат и имел ребенка, и ему не стоило вмешиваться.

Дни текли, пока Тан Ихэ размышлял и тосковал.

Когда близнецам исполнился год, их отвезли в уездную больницу для определения пола. Один оказался Омегой, а другой — Альфой, что принесло Тан Ихэ смешанные чувства.

Вскоре после определения пола Альфа-малыш заболел. Он был вялым, постоянно плакал, отказывался есть и пить, и после недели в уездной больнице улучшений не было.

Врачи провели полное обследование, но не нашли ничего необычного, хотя состояние ребенка не улучшалось.

Учитывая ограниченные возможности уездной больницы, врачи посоветовали отвезти ребенка в центральную больницу города.

Тан Ихэ, сопровождаемый Тан У, отвез ребенка в центральную больницу, где после повторных обследований выяснилось, что у малыша заблокирована работа железы, и он не чувствует феромонов отца, что привело к психологическому расстройству.

Основной причиной блокировки работы железы стало чрезмерное употребление ингибиторов Тан Ихэ до беременности.

Хотя он прошел процедуру выскабливания, ему нужно было принимать вспомогательные препараты в течение двух месяцев, чтобы полностью очистить организм.

Но меньше чем через месяц после выписки Ло Фэнци заставил его забеременеть.

Глядя на ребенка, который жил только за счет капельниц, он чувствовал, что готов умереть, и в отчаянии спросил врача:

— Доктор, что мне делать?

— Железа ребенка только начинает развиваться, и все ее функции еще не сформированы, поэтому операция для стимуляции выделения феромонов невозможна. Нужно найти отца ребенка, чтобы он с помощью метки стимулировал железу, вызвав реакцию, что поддержит нормальное развитие железы. Когда железа полностью разовьется, можно будет провести операцию для коррекции системы секреции.

— А если отца не найти...

Врач тут же прервал его:

— Ребенок будет продолжать отказываться от еды и питья, и в таком возрасте, питаясь только через капельницы, он долго не проживет. Поэтому вам обязательно нужно найти отца.

На второй неделе после возвращения Ло Фэнци в компанию Луань Цзысяо и Гу Сюнь сыграли скромную свадьбу.

Она действительно была скромной: на церемонии присутствовало не больше тридцати гостей, в основном родственники и друзья Гу Сюня.

Со стороны Луань Цзысяо, хотя и было разослано много приглашений, из-за того, что он был незаконнорожденным, пришли только отец Луань и мать Луань Шуюня.

Отец Гу Сюня, как и отец Луань, был бизнесменом, и хотя Луань Цзысяо был незаконнорожденным, он все же носил фамилию Луань, так что этот брак был в некотором роде союзом двух семей.